

Александр Валентинович Амфитеатров

Домашние новости

Александр Амфитеатров

Домашние новости

«Public Domain»

1890

Амфитеатров А. В.

Домашние новости / А. В. Амфитеатров — «Public Domain»,
1890

«Гражданин Северо-Американских Соединенных Штатов Александр Николаевич Чилюк лежал на диване и сам себе не верил: неужели он опять в России, в захолустной деревушке своего отца, в том самом доме, откуда, двенадцать лет тому назад, ушел в свое всесветное бродяжничество?..»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Амфитеатров

Домашние новости

I

Гражданин Северо-Американских Соединенных Штатов Александр Николаевич Чилюк лежал на диване и сам себе не верил: неужели он опять в России, в захолустной деревушке своего отца, в том самом доме, откуда, двенадцать лет тому назад, ушел в свое всесветное бродяжничество?

Да... И даже ничего не изменилось с тех пор в этой тихой обители. Те же темные, поблекнувшие обои, те же кожаные диваны, те же портреты генералов и архиереев по стенам... все старое: точно и не уезжал... Недостает только, чтобы по дому раздавались быстрые тяжелые шаги и резкий бранчивый голос матери Чилюка, умершей в его отсутствие... Чилюк поморщился; ему припомнилось, как здесь, в этой комнате, где теперь наслаждается он послеобеденным отдыхом, разыгралась, двенадцать лет тому назад, горькая, тяжелая сцена.

Мать его ненавидела; а уж если мать ненавидит свое дитя, то ненависть бывает ужасна и беспощадна. У Чилюка мороз по коже пробежал при воспоминании о детстве – голодном, холодном, полном слез и бесчеловечных наказаний. Другой бы ребенок не вынес, но он унаследовал, точно назло матери, ее богатырское сложение и вырос молодцом. И головой его Бог не обидел. Шесть классов гимназии прошел он в первом разряде, а тут и попутал грех. Чилюк переслал во время *extemporale*¹ записку слабому товарищу. Вспыльчивый педагог обмолвился... назвал Чилюка мерзавцем, а Чилюк ответил пощечиной... Выгнали с волчьим паспортом, и хорошо еще, что только тем кончилось дело. Мог угодить в тюрьму... в солдаты...

– Поздравляю, Александр Николаевич, с повышением. Теперь вам уже и до арестантских рот недалеко.

И Чилюку стало немножко жутко, когда он воскресил в памяти мать – тучную пожилую женщину, с желтым лицом, искаженным от гнева на ненавистного сына. Щеки у нее тряслись, и глаза остановились, как у одержимой столбняком, когда она говорила эти злые, не материнские слова. Но тогда Чилюк не сробел, сам по-волчьи сверкнул на мать своими, похожими на ее, глазами и так же злобно и презрительно ответил ей:

– Сами не попадите туда раньше меня!

Отец, при этой фразе, испуганно зажал уши и выбежал из комнаты.

Александр Николаевич улыбнулся: отец ничуть не изменился за двенадцать лет. Все тот же сырой, рыхлый мужчина с кислым, никогда не выглядевшим молодо, но зато и не стареющим, бабьим лицом. По-прежнему женолюбив, слаб и не может жить без опеки. Александру Николаевичу очень не понравилась, по первому взгляду, особа, заменившая в доме его мать, – эта Александра Кузьминишна... или как там ее? Словом, «мой лучший друг», по рекомендации отца. У нее фигура крупичатой уездной поповны, а лицо старой девы – нос башмаком и злые серые глаза буравчиком; если она рассердится, они, вероятно, станут зелеными. Такие глаза бывают только у скверных людей. Отец, по-видимому, у нее в полном подчинении: что ни вздумает сказать, сперва взглянет на Александру Кузьминишну, точно спросить позволения. Влюблен, как кот, и под башмаком, – ясное дело. Каково-то уживается с избранницей его сердца сестра Катя?

Александр Николаевич, по крайней мере, в десятый раз с утра пожалел, что не застал Катю дома.

¹ Импровизация (лат.).

– Уграздило же ее так некстати уехать к какой-то подруге, да еще в Саратовскую губернию, да еще на целый месяц! Этак и не увидишь ее, пожалуй... Через месяц я за тридевять земель буду. А хотелось бы повидать...

Когда, против воли порешив с гимназией, Александр Николаевич с отчаяния бросился в заманчивую, полную тревог и переворотов жизнь авантюриста и уехал добровольцем к Черняеву, Катя одна искренно плакала о нем. Мать и проститься не захотела с ним, отец благословил как-то наскоро и смущенно, словно втайне рад был, что отделался от «мерзавца» сына, с которым решительно не знал, что делать дальше. Кате тогда было двенадцать лет; теперь она – уже двадцатичетырехлетняя девушка и, вероятно, красавица: девочкой она обещала много. Но Александр Николаевич не мог вообразить ее взрослою. Он вспомнил ее белое и румяное личико с большими черными глазами, ясными, чистыми и правдивыми, и у него потеплело на душе. Это личико часто грезилось ему, как последний обломок немногих приятных воспоминаний о родине, и в грозные ночи на алексиначских редутах, и когда он стоял вольным матросом на вахте парохода, уносившего его из Марселя в Соединенные Штаты, и в бараке, где он, вместе с десятками товарищей-землекопов на линии Тихоокеанской железной дороги, лежал в жестоких припадках малярии. Сколько он видел, испытал, пережил и перечувствовал в эти двенадцать лет! Чем только не был он в Америке! Землекоп, разносчик газет, посыльный, мелкий бакалейщик, матрос, дрогнет, распорядитель общества похоронных процессий, адвокат, коммивояжер и, наконец, – для того, чтобы увенчать эту лестницу состояний, – сперва приказчик, а потом счастливый компаньон крупной мануфактуры, для которой он с чисто российской сметкой, почти нечаянно, изобрел приспособление, дорого оцененное на рынке...

Дверь скрипнула.

– Саша, можно к тебе?

На пороге стоял отец Чилюка – Николай Евсеевич.

– Разумеется, папенька!

Старик вошел, тщательно запер дверь и опустил медный язычок на замочную скважину. Александр Николаевич наблюдал родителя не без изумления.

– Что это, папенька? К чему такие предосторожности?

Старый Чилюк сделал многозначительную гримасу и подсел к сыну.

– Видишь ли, друг мой, – пожевав губами, начал он очень тихим голосом, – ты меня извини, пожалуйста, что я потревожил твой сон...

– Да я не спал.

– Тем лучше... Но мне надо говорить с тобой об очень важном деле и... и секретно: главное, чтоб она не слыхала!

– Кто она? Александра Кузьминишна, что ли? А вы, добрейший папа, как я замечаю, имеете к ней немалый решпект.

Николай Евсеевич покраснел.

– Но... как же иначе? Она – не кто-нибудь, а девушка хорошей фамилии, с образованием, и при том... гм!.. при том... хоть это – не совсем-то ловкое признание сыну со стороны отца, но ты, как человек бывалый, наблюдательный, не мог сам не заметить, что она мне очень дорога!

– Не мог не заметить: вы правы. Что же дальше?

– Саша! – трагически воскликнул Чилюк после некоторого молчания, – признайся: очень ты меня презираешь?

– Вас? За что? До ваших сердечных дел мне нет дела. Я – отрезанный ломоть, отделен от вас и морями, и горами, и реками. На таком почтенном расстоянии мы можем существовать, ничуть не нуждаясь в мнении друг друга.

– Как человек, как посторонний человек, Саша! – продолжал Николай Евсеевич, – я знаю, что потерял право видеть в тебе члена семьи... Но как человек!

Сын пожал плечами.

– Что ж? Вам только пятьдесят лет, и вы не святой. Если ваш роман не приносит никому зла, никто не станет судить вас строго. Меня же прошу уволить от ответа. Какой я вам судья? Я только что приехал, ни к чему не пригляделся. Может быть, дама вашего сердца – ангел, а может быть, дьявол; может быть, ее присутствием создается рай в доме, а может быть, ад. Как она уживается с Катей? Вот вам – судья настоящий, по праву, компетентный, с основаниями и доказательствами. К Кате и обратитесь. А мне что! Так-то, папа!

Александр Николаевич засмеялся, но старик не развеселился, а, напротив, сидел как в воду опущенный.

– Я должен тебе признаться, – пробормотал он, запинаясь и багровея, – что... это, конечно, очень странно... но Катя не живет у меня больше.

Александр Николаевич внимательно взглянул в смущенное лицо отца.

– То есть?

– Она ушла от нас.

– Как ушла? куда?

– Совсем ушла. Не поладила с Александрой Кузьминишной и не захотела оставаться с нею под одной крышей... так, потихоньку, и ушла. Ты знаешь Теплую слободу – тут близко, под городом? Там ее кормилица Федосья живет... кружевница – помнишь? У Федосьи и поселилась...

Александр Николаевич вскочил с дивана.

– Это бред какой-то! – вскричал он, – неужели вы это серьезно? Да у вас в доме – эпидемия, что ли? То сын сбежал в Сербию, то дочь куда-то к черту на куличики. И потом: я помню Катю смирной, кроткой девочкой. Я думаю, надо было неистово оскорбить ее, чтобы она решилась на такую штуку!

– Александра Кузьминишна действительно была резка с нею...

– А у вас не хватило характера вступиться за дочь? – презрительно заметил Александр Николаевич.

– Ты напрасно так думаешь, Саша! Я, конечно, не смею хвалиться: я далеко не богатырь воли, но все-таки помню свои обязанности и... и не дал бы Кати в обиду. Но Катя была сама в этом случае словно сумасшедшая. Она возненавидела Александру Кузьминишну, едва та вошла в дом. Надо тебе сказать, что пред смертью твоей покойницы-матери Катя была с ней очень хороша, совсем не так, как раньше. Ты помнишь, что у Глаши был ужасный, тяжелый характер... Ревновала ли Катя к памяти Глаши, просто ли чувствовала антипатию к Александру Кузьминишне, но сцены следовали за сценами. Я был мучеником между двумя этими женщинами, клянусь тебе...

– Охотно верю. Дальше.

– Ну, в одно прекрасное утро они поссорились сильнее обыкновенного – и Катя исчезла, оставив мне самую резкую записку, какую только можно вообразить.

– Гм!

– Ты не веришь? Напрасно! Взгляни!

«Папа, – прочитал Александр Николаевич, – мне тяжело в вашем доме так, что больше терпеть я не в силах. Я буду жить одна у добрых людей. Там, по крайней мере, меня обижать никто не посмеет. Мне ничего не надо, никаких денег, но не требуйте меня домой. Выгнать Александру Кузьминишну вы не решитесь, а жить вместе с этой подлой женщиной я не стану, лучше умру. Не сердитесь на меня за это, а я не сержусь. Ваша Катя».

– Позвольте, папа: в этой записке нет ни одного знака препинания, мерзкий почерк, «вместе» через два «есть» написано, не «посмеит» вместо не «посмеет»... Неужели это Катя писала?

– Друг мой, ты знаешь, как туга она была на науку, а в последние годы она книги в руки не брала.

– Но все-таки... Кстати: вы ее где учили?

– Домашним воспитанием...

Александр Николаевич досадливо махнул рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.